

ЕЛЕНА ВОЛОХОВА

Сказки для живых и мертвых

Ночь никогда не закончится

Елена Волохова

Сказки для живых и мертвых

«Издательские решения»

Волохова Е. А.

Сказки для живых и мертвых / Е. А. Волохова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508205-3

Пока рассвет не потревожил волшебство ночи, а самый темный час освещен лишь отблеском свечи, настало время для мистических и мрачных сказок. Здесь монстры собираются на семейный ужин и думают, как победить Великого Инквизитора. Здесь безродный факир и принцесса сражаются за любовь, пока Бог Смерти взвешивает на весах его душу. Здесь чудовища требуют в жертву возлюбленную колдуна. Сможет ли он убить ее, чтобы самому остаться жить? В сборник вошли рассказы о любви в мире живых и мире мертвых.

ISBN 978-5-00-508205-3

© Волохова Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Проклятие фоморов	6
Семейные ценности Стиксов. Черная комедия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сказки для живых и мертвых

Елена Алексеевна Волохова

Дизайнер обложки Ramona Laydon

Иллюстратор Светлана Алексеевна Волохова

© Елена Алексеевна Волохова, 2019

© Ramona Laydon, дизайн обложки, 2019

© Светлана Алексеевна Волохова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-8205-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проклятие фоморов

Пролог

Луна явила полный лик из-за облаков, осветила стоящие кругом камни кромлеха в священной роще и обнаженную фигуру мужчины у алтарной плиты. Серебром сверкнул атаме в его руке, и лезвие легко вспорол шею черного барана. Животное дернулось в последний раз, а через мгновение глаза его заволокло пеленой.

Немхед подставил чашу под изобильный кровавый поток, произнося магическую формулу благодарности богам за принятую жертву. От энергии ритуала священные камни вибрировали и гудели.

Немхед двумя руками поднял над головой полную чашу. Внутренним взором он видел, как свет луны потянулся к багряной гуще, насытил ее своим могуществом. Не переставая шептать заклинание, Немхед опустил в чашу три пальца правой руки и провел ими по лицу, оставляя кровавые полосы ото лба до подбородка. Затем коснулся татуировки в районе сердца в виде трехголовой змеи. От прикосновения окровавленных пальцев змеи пришли в движение, попытались языками схватить добычу. Он поднес чашу к татуировке и вылил на нее содержимое. Сытые змеи вновь застыли на груди. На время он свободен от них.

Пора заканчивать ритуал. Немхед обернулся и посмотрел на нее.

Она стояла посередине кромлеха обнаженная, похожая на сбывшийся сон. Груды полные, как луна. Изгибы совершенных бедер, как два месяца. Длинные золотистые волосы спускались по спине до самых колен. Шагнув вперед, мужчина опустил перед ней на колени. Змеи метнулись в ее сторону, но он быстро накрыл их ладонью. «Не время».

Он поцеловал ее в плоский живот. Она запустила руки в его волосы, прижала голову Немхеда к себе. Он осыпал ее поцелуями, запуская осмелевший язык в тайное место, а руками сжимал округлые бедра. Сорвавшийся с ее губ стон возвестил, что она готова. Мужчина положил ладони ей на плечи, заставляя опуститься рядом с ним, и когда это случилось, переместил их на ее груди, восхищаясь их полнотой. Никакой богини не надо, когда она смотрит на него так. Легкий запах яблок и кедровой смолы исходил от ее кожи. Губы цвета перспелой рябины блаженно приоткрылись, принимая его губы.

Гул от камней кромлеха смешался со стонами сплетенных воедино мужчины и женщины. Ритуал подходил к завершению, и облака вновь укрыли собой лик луны.

Глава 1

Базарный день подходил к концу. Запоздавшие покупатели еще ходили между прилавков, скупали у торговцев, что осталось. Те часто отдавали все за бесценок, лишь бы не тащить поклажу обратно домой.

Кеган издали следил, как Элейн складывает в шкатулку остатки своего товара. Мешочки с пахучими травами, баночки с черной краской из сока ягод для бровей, красная помада из травы руам для щек и губ, а также флаконы с ароматическими маслами для умягчения тела и куски душистого мыла. Ее товары раскупались быстро – женщины любили приукрасить себя.

Он видел новый золотой гребень, поддерживающий ее тяжелые локоны в сложной прическе. Видел кожаный ремень тонкой выделки, стягивающий пестро-зеленое платье на ее талии. Видел серебряный браслет с филигранной отделкой. И ревность закипала в его сердце.

Кеган подошел к ней, поздоровался. Элейн ответила ему голосом холодным, как ледники на вершине гор, и даже не взглянула на него.

– Ты больше не выходишь ко мне. А я каждый вечер под твоими окнами жду.

– Есть дела поважнее.

– Гляжу, у тебя новые украшения. От него? – она не ответила. Кеган горько усмехнулся: – Одаривает тебя, ты ему и отпираешь дверь. Говорят, не только дверь...

Взгляд пронзительных глаз заставил его отступить назад на пару шагов. Как юная дева с чистыми голубыми глазами может ТАК смотреть. Одно слово – ведьма.

– А не твое дело, кому я свои двери отпираю. Поди от меня прочь.

Слова жгли ему душу, распяляли в ревнивом сердце ненависть.

– Где это видано, чтобы девушка сама себе была хозяйкой? – кричал он своему отцу, старейшине деревни. – Заставь ее повиноваться, чтобы забыла свою гордость и стала моей женой.

Старейшина Анант лишь руками развел:

– А как ее заставить-то? Дочь кузнеца и ткачихи, внучка ведьмы. Два года, как сиротой осталась, а все своим искусством себя обеспечивает. К тому же колдун к ней ходит, украшениями, да тканью одаривает. Тебе ли с ним тягаться?

Кеган бежал прочь от отчего дома. Не нашел он здесь понимания. Что ж, он отыщет способ добиться благосклонности Элейн, и колдун ему не помеха.

Глава 2

Вместе с Элейн в избу ворвался свежий ветер, развеяв густой запах домашней стряпни. На столе, укутанный в белое полотенце, нежился свежеиспеченный хлеб. Мясная похлебка бурлила в котле, источая уксусно-тминный аромат. Бабка Ула орудовала под лавкой, крепким словом и крепким веником изгоняя оттуда черного котенка.

– Ты чего такая смурная? – спросила она внучку.

– Кеган опять пристал, – Элейн в сердцах бросила шкатулку на стол.

– Раньше ты вроде не против была.

– Так это раньше. А теперь ко мне Немхед ходит.

Она поспешила омыть лицо прохладной водой, пока бабка не заметила, как при одном лишь имени вспыхнули ее щеки.

– Да этот черт тебе всех женихов распугает. Забудут к тебе дорогу...

– А и пусть! Пусть все забудут дорогу ко мне! А он забудет дорогу от меня!

Элейн зарделась так, что даже ледяная родниковая вода не вернула бы белизну ее щекам.

Старая Ула лишь печально улыбнулась.

– Ох, девочка, кого же ты пустила в свое сердечко.

– Ты просто не знаешь его.

– Знаю, – горько всплеснула руками старуха. – Твой дед таким же был. Огонь в глазах, буря в сердце.

– Он когда обнимает меня, я словно сливаюсь с ним, – Элейн не слушала ее. – А какой у него..., – она улыбнулась, озорно глянув на бабку, – сам Кухулин бы позавидовал.

Ула засмеялась вместе с внучкой.

Вечер подкрался незаметно, стерев день с окон избы. Нежданный стук в дверь вырвал Улу из дремоты. Внучка сидела за пряжей, умом летая где-то вне избы.

– Помяни черта, – буркнула бабка, открыв дверь и взглянув на пришедшего.

– Элейн дома?

При звуке голоса девушка вскочила, веретено покатилося с колен на пол и тут же стало добычей котенка. Немхед замер в дверях, улыбаясь ей. Ула смерила взглядом обоих. Она – лебедушка, готовая встать на крыло. Он – волк, внезапно присмиривший под девичьей ладонью. И воздух между ними вспыхивает искрами.

Немхед взглядом спросил у старухи разрешения.

– Да идите уже, – махнула на них Ула. – Не то неровен час спалите мне избу.

***

Кеган следил, как двое вышли из избы, держась за руки, как скрылись в лесной чаще и как предались любви среди душистых трав под покровом дубов. Черная ревность разлилась по его сердцу, как кровь жертвенных животных разливается по алтарю.

Глава 3

Рычание Кегана несется над священной рощей:

– О, Мананнан, прими мою жертву и сделай так, чтобы этот мужчина и эта женщина ненавидели друг друга! Взмахни своим плащом между ними, чтобы они отвернулись друг от друга и больше не встретились взглядом.

Элейн курлычет голубкой у окна избы:

– Я зажигаю свечу ради любви и призываю Звезду всегда хранить этот свет. Пусть мой возлюбленный видит его перед собой, пусть никогда во тьме ночи не собьется с пути, пусть всегда найдет дорогу обратно ко мне.

Глас Кегана раздаётся между стволами дубов:

– О, рогатая Домну, сведущая в темном колдовстве, порази моего противника в живот, порази его в печень, порази его в глаза. Пусть кровь его истечет тебе под ноги и станет твоим ковром. Пусть плоть его станет тебе трапезой.

Элейн шепчет над прялкой:

– Ты, отважный Нуада, встань между возлюбленным моим и злом. Ты, прекрасная Бригитта, очерти вокруг него огненный круг. Ты, Луг, огради его своим щитом. А ты, Дану, подними над ним могучую десницу.

Голос Кегана полон отравы:

– О, Дагда, эта женщина предназначена мне. Я накладываю заклятие на след ноги ее, на макушку головы ее, на каждую сторону груди ее, на глаза ее. Пусть следует она за мной, думает обо мне, дышит мной, смотрит на меня. Пусть будет только для меня и не для кого другого, пусть голова ее будет отвращена от других! Да будет так, как я сказал!

#

Элейн напевает на пороге дома:

– Ночь покрыла землю плащом, и я жду рассвета, чтобы увидеть, как вновь Дану родит божественное дитя-Солнце. Я славлю тебя, Богиня, рождающая Свет из Тьмы, и прошу твоего благословения. Дай отведать из Котла Возрождения. Пусть мой возлюбленный придет ко мне и наполнит мое лоно огнем новой жизни. Да будет так, как я сказала.

Старая Ула бормочет над котлом:

– О, Великая Дева-Матерь-Старуха. Благослови девчонку неразумную. Пусть будет свободна от печали, слез, нужды. Пусть будет одарена тобой женской мудростью и материнским счастьем. Да будет так, как я сказала.

Атаме выскальзывает из ослабевших пальцев Немхета. Трехголовый змей рвется с его груди, жалит своими языками. Кровь жертвенного барана ему больше не по вкусу. Он требует большего. Немхед падает на землю.

Глава 4

Бесплотный голос коснулся слуха Немхета, вырвал его из забытья:

«Встань с холодной земли, сын мой. Насыть змея кровью жертвенного барана. Почему ты не привел с собой ведьму? Ее могущество тебе необходимо».

– Я не причиню ей зла. Пусть лучше сила моя истечет в землю, и жизнь покинет меня.

«О, не говори так! Я не смогла отмолить тебя при жизни, но направлю тебе после смерти. Крови животных теперь недостаточно. Тебе нужна...»

– Нет! Пока я не убил человека, у меня есть шанс.

«Ты умираешь. Змей пожирает тебя. Только ведьма, что отдала тебе девственность, сможет спасти тебя. Только ее кровь...»

– Я больше не желаю слушать твой голос! Кровь барана насытила змея. Я не подниму руку на человека. А на нее тем более.

Немхед из последних сил поднялся на ноги. Вытатуированный змей рвался с его груди. Шипение из трех змеиных плотов оскверняло тишину священной рощи. Колдун раскинул в стороны руки, крикнул в полнолунное небо заклинание. Черным облаком трехголовый змей сорвался с груди мужчины, ринулся к обескровленному телу жертвенного животного.

– Жри, тварь!

Пошатываясь, Немхед шел в сторону возвышающегося над лугом холма, священного сидха – пристанища богов. Первые лучи солнца подгоняли его в спину. Главное не упасть среди трав и полевых цветов. Главное успеть. Он уже видел вход в пещеру. Осталось дойти до нее, тогда он спасен.

***

Зря Элейн заплетала золотую косу на рассвете, стоя на пороге избы. Зря расплетала ее на закате, роняя тяжелые слезы на крыльцо. Так и не пришел ее Немхед, как клялся. И на следующий день не пришел. И через неделю.

Зря Элейн бегала к его дому. Дверь была заперта, окна смотрели черными слепыми глазницами, как у злобного карлика. Зря сидела она на крыльце, обняв колени. Где бы не был Немхед, не торопился он возвращаться домой. Зря ходила Элейн и к кромлеху, ища среди камней следы своего возлюбленного. Только черная кровь недавней жертвы на алтаре и земле.

– Бабушка, опять на небе полная луна. Уж месяц, как пропал мой Немхед. Огам не хочет говорить со мной, скрывает тайны. Бабушка, прошу, сделай расклад, загляни в сокровенное. Видишь ли там Немхеда?

Старая Ула вздохнула и достала черный мешочек с костяным огамом.

Глава 5

Отсветы очага ложились на стены избы, отпугивали крадущуюся в окна ночь. Старая ведьма перекатывала костяшки огама в мешочке, бубнила над ними заклинание. Потом высыпала их на шкуру медведя и устремила мудрый взгляд на сложившийся узор. Внутри у нее похолодело, сердце екнуло в груди. Ей показалось, что белые косточки огама окрасились кровью.

– Что там, бабушка? – спросила Элейн.

«Ничего, внушка. Мой огам тоже молчит», – хотела соврать Ула. Но когда подняла голову, на Элейн уже смотрели подернутые туманом глаза пророчицы, не контролирующей то, что говорит.

#

– Ночью колдовской Самайна по-над миром духи рыщут.
Ищут темные фоморы, кто украл у них святое —
Посох с черным оголовком: три змеи сплелись в едино.
Этот посох ведьма прячет – на сносях, а все туда же.
Подавай ей силу черну, чтоб умами людей править.
Отняли фоморы посох, только ведьму наказали.
Раз дерзнула на чужое – сыном нам своим заплатишь.
Черны змеи душу будут из него сосать с рожденья,
Только кровью святой жертвы утолить их жажду можно.
В муках умирает ведьма, породив на свет ребенка.
Матерь стала первой жертвой для трех змей, всегда голодных.

Побледнела Элейн, вспомнив татуировку Немхеда. Слышит слова из Потустороннего мира, а сама лишь об одном думает:

– Жив мой Немхед?
– Среди живых его не вижу. Среди мертвых не замечен.
– Значит – жив?
– Тебе виднее.

Последние угли догорели в очаге. Элейн укрыла бабушку покрывалом. Та уснула, так и не выйдя из транса. Теперь проспит дня два кряду, как обычно с ней после такого бывало.

Элейн думала, что не уснет после бабкиной ворожбы, но лишь голова ее коснулась подушки, как пришел к ней сон, на сон не похожий.

Видит она холм, в холме пещеру. На земле без дыхания лежит ее Немхед, вперив застывший взгляд в потолок. Видит себя над ним с атаме в руке. Слышит голос, могильным холодом дышащий:

– Если любишь его, отдай ему свою кровь. Только так ты спасешь его, златокудрая ведьма. Взмах атаме. Кровь льется из рассеченного горла на змей. Немхед открывает глаза.

Элейн встрепенулась. Поцеловала бабушку в лоб. Накинула на плечи плащ и вышла за порог в ночь. Она знала, где эта пещера.

– Я иду к тебе, Немхед.

Глава 6

Она заметила его присутствие почти сразу, как вошла в лес. Он и не думал скрываться. Его тяжелые шаги и хриплое дыхание раздавались за спиной девушки.

– Чего тебе, Кеган? – спросила Элейн, отступая от него, в то время как он все приближался к ней.

– За тобой пришел, – прохрипел он. – Не могу я больше. Или ты будешь моей, или пожалеешь, что отвергла.

– Не буду я твоей. Ступай домой.

Он набросился на нее, как голодный зверь, накрыл ее лицо широкой ладонью. Она успела только пискнуть, прежде чем оказалась на земле под тяжестью его тела.

Неведомая сила отбросила его от девушки на пару саженей, Кеган ударился спиной о ствол дерева. Во мраке ночного леса показалось страшное лицо Немхета. Кеган выхватил из-

за пазухи кинжал, но что-то в облике колдуна помешало ему пустить его в ход. Он бросился бежать, и темная фигура рванула за ним.

Цепляясь за ближайший ствол, Элейн поднялась на ноги. Куда бы она не направляла встревоженный взгляд, вокруг была лишь темнота. Вдруг рядом с ней появился Немхед.

– Убежал гад.

– Немхед, Немхед, мой Немхед!

Она кинулась в его объятия, принялась осыпать поцелуями осунувшееся, заросшее щетиной лицо. Он крепко обнимал ее, отвечая тем же. Взяв ее личико в крепкие ладони, он долго всматривался в родные черты.

– Живой! – выдохнула Элейн.

Поленья потрескивали в очаге дома колдуна. Они предавались любви на покрытой шкурами кровати, восполняя все те дни, пока не были вместе.

– О, Немхед, Немхед, мой Немхед. Хочу всегда быть твоей. Хочу наполняться тобой, как луна каждый месяц наполняется силой. Хочу, чтобы ты насыщал меня собой, как вешние ручьи насыщают бурлящую реку. Хочу рожать тебе детей. Хочу вместе с тобой приносить жертвы каждый праздник года.

– Моя Элейн, пусть твои слова обретут силу пророчества и дойдут до ушей богов. Пусть твои слова звучат, как истина. Ведь я хочу того же.

Когда обессилевшая от страсти Элейн уснула, Немхед тихо выскользнул за дверь.

Омела оплела щиколотки и запястья Кегана, заползла листьями в рот, не давая произнести ни звука. Он висел голый вниз головой на ветке векового дуба, а под ним темнел запекшимися пятнами крови плоский камень.

– Зря ты не оставил ее в покое.

Полная луна выхватила из темноты фигуру колдуна. Три черные змеи, сплетенные в одну, извивались на его груди, открывали в шипении пасти. Немхед раскинул руки в стороны, слова заклинания резанули уши пленника. Змеи бросились на Кегана, острые зубы впивались в тело, отрывая куски от его плоти. Из заткнутой омелой глотки рвались крики боли.

Немхед упал на колени, слезы разбивались об окровавленный камень. Пути к спасению для него больше не было.

Глава 7

Трещат поленья в очаге. Бурлит похлебка в котелке. Взвивается дым в отдушину на потолке. Старая Ула бросает в котел разные травы. Знатный будет ужин.

– Бабушка, я сердцем чувю – в беде мой Немхед, – говорит Элейн. – Молчит он о том, где пропал. А я вижу, как сводит иногда его тело от боли. И лицо у него бледное, как после долгой лихорадки. Не зовет он меня больше для своего странного ритуала. Он говорил, что ритуал нужен для прославления его родовых духов. Каждое полнолуние проводил его. Теперь каждую седмицу жертву приносит. А потом возвращается еще более изможденный.

Жужжит прялка, вторит ей треск поленев. Бежит сквозь девичьи пальцы легкая льняная нить. Будет Элейн новое платье, будет Уле новая шаль, а Немхеду новая рубаха.

– А еще эти жуткие змеи. Раньше я думала, это просто татуировка. А теперь я вижу их движение даже под одеждой и слышу их шипение, когда обнимаю его. И Кеган пропал... Может, испугался, что ославлю его перед деревней, раз напал на меня. А может...

Слушает старуха внучку, не знает, чем помочь.

– Бабушка, дед же змей заклинать умел. Как он это делал?

– А пел он им, внученька.

– Что именно?

Поет старая Ула песню древнюю, почти позабытую. Слушает Элейн, запоминает. Спела бабка, достала из сундука белый сверток, протягивает внучке.

– Это веретено твой отец для матери выковал.

– Оно же железное, как прясть-то на нем?

– Так оно ведь не для простой пряжи-то.

***

Не желали больше змеи питаться кровью и плотью животных. Слизывали жертвенную кровь с тела Немхета, рвали мясо барана, а сами давились, кусали колдуна, требовали большего. Испробовав человеческого мяса, желали его все больше и больше.

Ритуал больше не помогал Немхеду. После каждого жертвоприношения змеи бесновались на его груди, запускали клыки в его плоть и душу. Еле хватало сил усмирить их. Находиться рядом с Элейн стало настоящей пыткой. Чувствовали змеи ведьмину кровь и силу и требовали ее на жертвенный алтарь.

«В ночь Самайна ты начал с ней ритуал, сын мой, да не закончил, – говорил голос матери. – Змеи знают, что она им предназначена. Если не закончишь ритуал и не принесешь в жертву ведьму, змеи тебя съедят».

– Значит, пусть едят.

Ведет Немхед барана в пещеру. Если змеи не примут жертву, готов он к смерти. Ослаб он, не чувствует, что за ним по пятам следует его Элейн.

Глава 8

Тьма пещеры непроглядна, как самая темная ночь года. Выставив ладони вперед, Элейн шла наощупь туда, где еле трепыхался неясный свет.

Древний сидх, место священного поклонения, давно был заброшен. Элейн не чувствовала магии этого места, не знала даже, какому богу принадлежит холм. Тишина поглощала шорох ее шагов, словно сам звук являлся грехом для этого покинутого места.

Три оплывших огарка свечей встретили ее своим скудным светом. Из полумрака пещеры голова Кегана смотрела на нее закатившимися глазами. Сквозь разлагающиеся губы пробивались свежие побеги омелы. Элейн вскрикнула.

Сильные руки легли ей на плечи, заставив повернуться. Перед ней стоял Немхед. Кровь покрывала его лицо и торс. А на груди в неистовой пляске извивался трехголовый змей.

– Зачем ты пришла сюда, Элейн? Я готов был просто умереть. Но теперь ты здесь, и змей требует твоей крови. А у меня нет больше сил бороться с ним. Его голод слишком силен. Его воля захватывает мой разум.

– Я помогу тебе, любимый!

– Я проклят, Элейн. Мне уже не сможешь. Змей отказывается принимать другую жертву, кроме тебя. Он не позволит мне выпустить тебя из пещеры, пока я не закончу ритуал.

Было совершенно невозможно смотреть в ее чистые преданные глаза. Змей рвался наружу, шипел на три горла, овладевал сознанием Немхеда. Таяла воля колдуна, оставались только голод змея и древнее желание жить.

Немхед взмахнул рукой. Побеги омелы заскользили изо рта Кегана по стене и потолку пещеры, опутали запястья Элейн и подняли ее над землей. Защитная магия проснулась в ней, слова заклинания сорвались с губ. Еще немного и будет она свободна от оков. Змей бесновался, черным облаком сорвавшись с груди Немхеда. Тот смотрел затуманенным взором и с каждым змеиным рывком терял себя.

«Твой Немхед умирает, златокудрая ведьма, – услышала Элейн голос. – Змей сожрет его, если ты не дашь ему закончить ритуал. Как только змей получит твою кровь и вкусит твою плоть, будет свободен Немхед. Змей прекратит его мучать».

Элейн перестала сопротивляться. Светоч ее магии погас. Рука Немхета, направляемая волей змея, занесла над девушкой атаме. Блеск клинка отразился в глазах любящих, понимающих. И прощающих.

Глава 9

Беснуется ветер в ночном небе, рвет облака в клочья, завывает между стволов деревьев и в расщелинах скал. Стонут под его напором дубы, пригибаются к земле, пытаются цепкими ветвями схватить беглянку и откупиться ею от полчищ фоморов, скачущих по лесным тропам.

Бежит ведьма, не разбирая дороги, поддерживает дрожащими руками готовый разродиться живот. Боль пронзает ее тело, кровь струится по ногам. Из последних сил переставляет несчастная ноги. Еще немного, еще... Скрыться от чудовищ, найти защиту хоть где-то. Стенает она, призывая на помощь Дану, Бригитт, Немону. Но глухи богини к той, что посягнула на чужое. Там, где затеяла дикую охоту Домну, нет места светлым силам.

Слышит ведьма завывание фоморов за спиной своей.

– Я вернула вам посох! Что вам еще от меня надо?

Смеются фоморы, голосами своими кору с деревьев сдирая.

– Сына твоего отнимем. Для потехи будет нам он. Заклятием черным опутаем и будем смотреть, как мучается он, жизнь свою и мать, его породившую, проклиная.

Бежит ведьма. Вот уж лесу почти конец. Видит она огни самайновские. Значит, люди близко. Если будет на то воля богов, не прогонят они роженицу, пусть и демонами проклятую.

В самое сердце колдовского круга падает она, разрываемая изнутри рождением новой жизни. Нужные заклинания уж произнесены друидами, останавливают фоморов языки праздничных костров. Остаются они в темноте леса, оттуда наблюдают, злорадно ухмыляясь. Не уйти тебе от нас, ведьма, и отродью твоему не уйти. Все будет, как Домну рогатая захотела.

Приняли ребенка друиды. Ведьма успела лишь взгляд на сына бросить, как забрали ее духи самайновские с собой, по ту сторону мира трапезу священную принимать.

Глядят друиды на ребенка, суеверный страх в сердцах их рождается. На груди у маленького змей огромный о трех головах кольцами извивается, черной чешуей блещет. Закончил свой танец и замер на младенце татуировкой.

Убить отродье, бросить в костры Самайна! Пусть боги разбираются, что за тварь такая из чрева ведьмы в ночь колдовскую вылезла! Поднял кинжал над младенцем верховный друид – выпал кинжал, языками пламени вокруг ребенка побежал. Закаркали вороны, зашлись разными голосами жертвенные животные, вторит им ветер, вторят им камни алтарные, вторит треск поленьев под кострами.

Не тронь дитя, друид. Заверни его в окровавленное платье материнское, уйди с ним из деревни в скитание. Воспитай, как сына своего. Надели знаниями, научи кормить змея жертвенной кровью. Пусть живет на потеху Домну и ее фоморам.

Исполнил приказ богов друид. Ушел поутру из деревни, унес с собой мальчика. Нарек его Немхедом – именем сильным, чтобы мощи хватило для борьбы со змеем.

«Никогда не оставайся в ночь Самайна один, сын мой. Фоморы сильны в это время, как игрушка для них ты. Держись поближе к кострам – защиту их получишь ты».

Голос матери всегда с ним, сколько Немхед помнит себя. Умер старый друид, остался он один, но глас из потустороннего мира всегда направляет его. В праздник Самайна всегда среди людей, хоть и не любит этого.

Вот и сейчас бродит в толпе веселящихся. Вроде и с ними, но так далек от них. Друиды уже зажгли священный огонь. Колесо года остановилось в священную ночь, чтобы дальше покатить с новой силой. Скоро понесут люди светочи, чтобы разжечь очаги в домах своих. Осталось лишь жертву богам воздать, да самим в огне очиститься.

Стоят перед алтарем три женщины, трехликую богиню олицетворяя. Первая – дева молодая, непорочная. Вторая – женщина, счастье материнства познавшая. Третья – старуха, мудростью лет осененная.

Взглянул на первую Немхед – и сам словно на жертвенный костер взошел. Шелк золотых волос по плечам струится, полные груди истомой дышат, лицо светлое, чистой магией бельтайновской сияет. Не видел ее раньше Немхед, а сразу понял, кто она. Элейн, внучка деревенской колдуньи. Красавица завидная, да строгая. Ни одному парню еще согласия не дала. Даже Кеган, сын старейшины, невестой ее своей везде нарекает, а сам дальше садовой калитки допущен не был.

Ликует дух матери:

«Ведьма-девственница! Спасение твое! Сказали мне духи, что от змея избавиться можно, коли ведьма тебе добровольно непорочность свою отдаст, а ты ее потом на алтаре в честь Домну в жертву принесешь. Атаме, которым баранам кровь пускаешь, шею ей рассеки. Змей крови ее изопьёт, плоти отведаст, да оставит тебя навеки. Свободен будешь, сын мой!»

Слушает ее Немхед и не слышит. Лико кострами освещенное, груди под рубахой вздымающиеся, губы цвет осенних ягод впитавшие. И вдруг шею ей рассесть?..

Уходи, Немхед, не смотри на ведьму прекрасную. Пусть дальше змей плоть и дух твой точит. А деву оставь в покое. Уходи, пока не поздно. Пока и она тебя не увидела. Пока чувство твое не разделила.

Поздно...

Проходит Элейн между кострами священными, как подруги ее, как вдруг змея огненная в кольцо свое ее замыкает. Пляшут языки пламени, выше дубов вековых вздымаясь. Плачет старая Ула – избрали боги внучку себе в жертву. Если не найдется тот, кто рискнет ее из огненного плена вывести – пропадет дева.

Кинулся было Кеган, слепой страстью влекомый, отец-старейшина за руку хватает его. Нечего за девкой в пламя лезть, жизнь свою губить.

Вышел из толпы Немхед, без страха в круг огненный ступил. Что ему, змеем фоморским пожираемому, костра простого бояться.

Стоят двое в круге колдовском, друг на друга смотрят, к великому таинству приобщаются, сердца распахивают друг для друга. Радует дух матери – есть для сына спасение. Мечется змей – трапеза новая ждет его. Расцветает Элейн – светлым чувством наполняется. Страдает Немхед – лучше бы в огне сгорел, пока к ведьме шел.

Накинул Немхед на плечи Элейн плащ, поднял на руки, вынес из огня под всеобщее ликование. Смотрят они друг на друга неотрывно, все давно для самих себя решив.

Ходит старая Ула, кличет внучку свою. Бегают подружки, ищут Элейн для игр девичьих.

Не слышит их дева. Ласкам колдуна поддалась, силой колдовской Самайна напиталась. Познает таинство великое, трансформирует тело свое, в иную ипостась обращаясь. Не дева уже, но еще и не женщина. Замерла где-то между мирами, как и сама ночь самайновская. Покрывает тело любимого поцелуями, сама без остатка отдается. Полыхает как пламя, из которого он вынес ее. Забывает себя прежнюю. Запускает Колесо года. Славит богинь плодородья своей жертвой. Земля кровь девственную впитывает, защиту и покровительство сулит.

Ее вскрик отзывается в теле Немхеда дрожью. Он нежен с ней, но все же... «Моя, моя». Никогда его руки не касались столь невинного создания. Оскверненный с рождения, сейчас он припадал к чистому источнику, омывался ее любовью, вкладывал сердце в ее ладони. Пусть

залечит его поцелуями, пусть прогонит тоску. Пусть наматывает нити его шрамов на веретено и сожжет их в очистительном огне.

«Возьми атаме. Ты начал ритуал. Закончи его».

Голос матери вырывает его из мира грёз. Скалой черной нависает он над Элейн. Атаме где-то на земле в ворохе одежды. Он не видит его, но чувствует его тяжесть. И чувствует зубы змея на коже. Глаза Элейн голубые, чистотой спорят с горным родником. Она смотрит на него, губы приоткрыты, горят жаждой. Ее ладони на его щеках, пальцы запущены в волосы. Он склоняется к ее шее, целует то место, что должен целовать атаме. Ритуал подождет. Змей подождет. Сегодня с Элейн будет только он.

Он так хочет ее.

А еще так хочет жить...

Глава 10

Клинок опустился вниз и рассек плети омелы на запястьях Элейн. Последние силы потратил Немхед, чтобы противостоять воле змея.

– Беги!

Он упал на землю, сотрясаемый конвульсиями, почти теряя сознание от нестерпимой боли. Трехголовый змей черным облаком отделился от груди колдуна, начал расти, из рисунка на коже превращаясь в исполинское фоморское чудовище, заполняющее собой всю пещеру.

Три голодные глотки шипят, обнажая клыки. Алые языки выкатываются из пастей. Пришла пора жертвенной трапезы. Тело, бывшее для змея домом и одновременно тюрьмой, теперь станет пищей. Голос матери воем несется под сводами пещеры, оплакивая гибель сына.

Все черно вокруг. Молит Немхед лишь об одном: чтобы поскорее все закончилось.

Свет касается его сомкнутых век. Сквозь пелену боли видит он над собой Элейн. А над ней вздымается исполинское черное тело змея.

– Беги! – в ужасе закричал Немхед.

Элейн улыбнулась ему. Оброненный колдуном атаме в ее руке, и она поднесла его к своей шее.

– Нет!

Острый клинок режет золотую косу под корень. Алая лента – его подарок – заструилась с девичьих волос на землю, обернулась вокруг них кольцом пламени. Змей неистово зашипел, увидев магическую преграду.

Элейн повернулась в его сторону, запела древнюю песнь деда – заклинателя змей. Слово в слово запомнила, как пела ей старая Ула. Сверкнуло в ее руке железное веретено – отцовское наследство. Золотая коса распалась на отдельные локоны, превратилась в тонкую нить, наматывается пряжей на веретено.

Змей слушает песнь. Кольцами вьется его тело, двигается из стороны в сторону шея с тремя головами. Красные глаза с вертикальными зрачками следят за движением веретена.

Намоталась нить волос на веретено. Элейн вплела в песню новое заклинание. Взлетело веретено над змеем, закрутилось в руках невидимой ткачихи. Опутывает золотая нить тело змея, а тот продолжает мерно колыхаться туда-сюда, звукам песни послушный. Обуглилась под нитью кожа змеиная, едкий дым от нее поднялся. И хотел бы исполин фоморский пошевелиться, да зачарован песней колдовской.

Распелась полностью золотая нить, обмотала змея в кокон. Вспыхнул он огнем, да через пару мгновений и сгорел полностью, даже пепла от него не осталось.

Элейн бросилась к Немхеду. На месте, где раньше змей нарисован был, теперь страшный ожог появился. Знает Элейн, как такие раны лечить, поэтому не страшится за жизнь любимого.

– Теперь все хорошо будет.

Глава 11

Священная дубовая роща залита лунным светом. Собралась вся деревня на мудрый суд друидов, в круг встали люди под дубом раскидистым. В центре круга стоят на коленях двое – мужчина и женщина с коротко стриженными волосами. Крепко за руки держатся, водой не разольешь, мечом не разрежешь, огнем не расцепишь.

Лежит перед ними, вперяя взгляд пустых глазниц в своего убийцу, голова Кегана. Отец его, старейшина Анант, успел оплакать сына. Теперь сжимает старец кулаки и с ненавистью смотрит на повинных в смерти его сына людей. Была бы его воля, голыми руками разорвал бы тело злосчастливого колдуна.

Нет нужды Элейн стоять на коленях в круге, не виновна она ни в чем. Но стоит и отказывается покидать Немхеда даже под его суровым взором. Не отпустит его руку, хоть земля тресни. Неделию выхаживала она любимого, пока не призвали их друиды держать ответ перед всей деревней. Теперь рассказывает она, как Кеган везде следил за ней, не давал проходу и поджидал у ворот ее дома. Как ночью он, влекомый порочной страстью, напал на нее в лесу, а Немхед спас ее от поругания.

Не хочется Ананту верить словам ведьмы, но знал он о неразделенной любви сына и поселившейся в его сердце болезни. Не думал, однако, он, что сын забудет законы богов и решится на мерзкий поступок.

Настает очередь Немхеда говорить. Рассказывает он о проклятье фоморов, о татуировке змея, требующего кровавые жертвы. О том, что не смог совладать ни с собой, ни со змеем, когда Кеган посягнул на его невесту. Он убил его, принеся тело в жертву змею, а голова осталась, как трофей. Теперь готов Немхед понести наказание, каким бы суровым оно ни было.

Выслушали обоих друиды, ушли совет держать. Остались двое в круге стоять. Лишь друг на друга смотрят. А вокруг тишина леса и людского осуждения.

– Тяжел грех твой, Немхед, – говорит старший друид. – И хоть не по своей воле совершил ты его, искупить должен. Страшны фоморы и много бед на род людской насылают. В противовес им добрые дела вершиться должны. Завтра разгорятся огни Бельтайна во славу жизни и света. Ты же, Немхед, проведешь год и один день среди друидов. Будешь помогать во всем смиренно и беспрекословно. Людей да зверей лечить, священные законы блюсти. Дева же, что льнет к тебе, как омела к дубу, в женскую обитель друидов отправится, там усердием своим поможет тебе грех твой смыть. На год и один день наложите на уста печати молчания и видеться не будете. Коли соблюдете эти обеты, так на следующий Бельтайн свободны станете и греха твоего перед людьми не будет больше.

Сказал это друид, белым посохом о землю ударил, словам своим силу давая. Скрепили Элейн и Немхед уста последним поцелуем, да в разные стороны развели их. Сколько могли провожали они друг друга взглядами, пока не скрылись оба в кружевной темноте дубравы.

Год прошел. Озарена роща светом священных костров Бельтайна. Вьется благодатный огонь во славу богов. Сбросившая оковы стужи земля новой жизнью наливается, весеннее небо звездным светом ее обнимает.

Идут через поляну навстречу друг другу двое. Еще больше возмужал Немхед в лишениях, через смирение мудрость обрел. Еще краше сияет женственность Элейн, волосы отрасли, гуще прежнего стали. Встретились их руки. Звуки имен сняли с губ печать годового молчания. Счастьем и страстью горят их сердца и глаза. Выполнили свои обеты – теперь чисты перед людьми и друг другом. Подхватил Немхед на руки смеющуюся Элейн. Никогда теперь не отпустит ее. Озаряют их костры Бельтайна, и все ярче и ярче разгорается их любовь. Дух матери взлетает вместе с дымом в небеса – теперь, видя счастье сына, и она свободна.

Эпилог

– Папка, папка, а Беван опять дразнится! Он меня фоморской какахой обозвал!

– А вот и нет!

– А вот и да!

– Это Ангус первый начал!

Двое мальчишек лет семи неслись через весь двор, не видя ничего перед собой. Бабушка Ула как раз выходила из курятника с корзинкой с яйцами. Сорванцы налетели на нее, закружили так, что корзинка упала, и яйца вытекли желтым месивом на весеннюю траву.

– Ах вы, черти рыжие, – крикнула на них старуха.

Немхед, чистивший рыбу в корыте, прервал свое занятие и схватил близнецов за шкирки. Мальчишки брыкались, визжали и смеялись, пока он тащил их к лавке.

– Что ж вы, поросята, делаете? Оба вы какахи фоморские!

Только усадил их отец на лавку в наказание, как они мигом сорвались с нее и опять побежали по двору. Сторожевой пес, добрый Арра, учуяв лакомство, принялся слизывать с травы разбившиеся яйца. Но не дали ему насладиться. Беван залез на него сверху и попытался прокатиться на псе. Тот не потерпел глумления над собой и скинул мальчишку прямо в яйца.

Ангус, гонявший по двору черного петуха, не заметил старшего брата, шедшего с коло-тыми поленьями в руках, бросился ему прямо под ноги. Фелан растянулся на земле, поленья покатались из рук. Ангус, еще мгновение назад бывший под ним, уже убежал прочь. Фелан, схватив одно полено, бежал за младшим братом, обещая отдубасить.

Маленькая Эна четырех лет от роду испуганно голосила, прижавшись к бабушке.

– Чертяги окаянные, – верещала бабка Ула, – чуть сестру не зашибли.

Немхед вытаскивал из штанов широкий кожаный ремень и на весь двор грозился отходить им каждого своего отпрыска. Два рыжих кота, воспользовавшись всеобщей сумятицей, воровали рыбу из корыта.

Из избы выплыла Элейн. Толстая золотая коса оплетала дважды ее голову. Свободное желтое платье с красной вышивкой уже не скрывало большой живот. Колдовской огам сулил ей к летнему солнцестоянию разродиться двойней. В руках она держала блюдо с нарезанными кореньями.

– Так! – звучно молвила она, осматривая двор.

Под ее взглядом усмирялись демоны мужа, сам муж, их совместное потомство, пес, припав животом к земле, отползал к воротам, а коты возвращали награбленное обратно в корыто.

– Делов-то, – хмыкнула Элейн, когда все успокоились и вернулись к своим делам.

Фелан разжег огонь во дворе очаге, установил вместе с отцом большой котел. Для десятилетнего мальчишки он был очень самостоятельный и деловитый. В забурлившую воду Элейн и Ула бросили куски говядины, коренья, сдобрили тмином, розмарином, молодым укропом. Похлебка сготовится – в углях поджарят рыбу. Через раскрытую дверь избы во двор летел ароматный запах свежего хлеба и пирогов с весенними лесными ягодами. Знатный пир будет на Бельтайн.

Вдруг раздался визг Ангуса. Мальчик лежал на земле, а в паре локтей от него шипела раскрытой пастью гадюка. Фелан бросился к ней с ножом. Немхед и Элейн одновременно раскрыли рты для заклинания.

Всех опередила маленькая Эна. Она встала между братом и змеей и запела. Гадюка тут же подчинилась древней силе, исходящей от малютки. В этот момент подоспел и Фелан. Одной рукой он перехватил тело змеи, другой ловко отсек голову.

Эна посмотрела на обомлевших родителей ясными голубыми глазами и, подражая тону матери, сказала:

– Делов-то!

Семейные ценности Стиксов. Черная комедия

Пролог

Старшая дочь Лея влюбилась в смертного.

Потрясение от новости оказались так велико, что в подвале особняка открылся портал в иное измерение и выбравшиеся оттуда твари заполонили дом. Дедушка Лугоши заперся в своем гробу и не вышел бы из него, даже если бы девственные весталки сами стали прыгать на него и предлагать свою кровь, как это случалось в былые времена. Бабушка Хейд отлавливала сбежавших из портала тварей и пускала их на фарш. Из него она собиралась сделать начинку для пирожков, «дабы вспомнить свое истинное предназначение и травить этих смертных, а то, иш ты, совсем распоясались». При этом поглядывала окосевшим глазом на зятя, считая его корнем бед.

Зять ее, благородный идальго дон Родриго Рикардо Хуан Фернандес де Веласко граф Салазар, видевший во всем происки своего давнего врага, Великого Инквизитора, натачивал шпагу и клыки и проверял расставленные вокруг дома ловушки. Виновницу всего этого безобразия, дочь Лею, он запер в комнате. Именно так поступали в его молодости с девами, забывшими родительские указы. Заточали в высокие башни, выкапывали вокруг глубокие рвы и сажали непроходимые леса.

Его жена, прекрасная, но заколебавшаяся ведьма Саломе пыталась сохранить невозмутимость. Она сама всего каких-то четыреста лет назад была на месте дочери, с той лишь разницей, что отец не запер ее в башне, а закопал в землю. Остальные ее дети бегали по потолку,

аки по полу, и мешали отлову тварей, потому что сами выглядели, как монстры из портала, играли вместе с ними и пакостили наравне.

– Смертные для еды, а не для блуда! – прокричала бабушка Хейд, проходя мимо комнаты внучки.

– Сначала для блуда, потом для еды, – поправил ее из гроба дедушка Лугоши.

– Чему учишь ее, старый!

Лея предпочитала сидеть тихо, все равно семейства надолго не хватит. Протестующая сущность юной ведьмы распространяла вокруг себя злобные эманации, разлетавшиеся по дому полтергейстом. Хорошо хоть не придется вместе со всеми очищать дом от тварей.

Для изгнания монстров Стиксы использовали такие отборные экзорцизмы, что твари краснели от стыда и добровольно отправлялись обратно в ад.

– Главное, детей по ошибке туда не отправить.

– Ну, погостят немного у дяди Люси, что такого?

– Выгоните из ванной Ктулху!

– Это просто гигантский осьминог.

Только двое не принимали участия во всеобщем бедламе: старый зомби Малкольм и Николай Васильевич. Они пили зеленую жидкость из пыльной бутылки и пытались разлажаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.